

Не все есть предмет литературы

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 1
стихописанием. Именно страдало! Это был способ своеобразного дневника состояний. Было бессмысленно вести дневник, его бы тут же отобрали. Недавно я издал для самого себя книжечку своих стихов, чтобы они сохранились и не растерялись. Просматривая ее, я прочитываю дневник тех лет заключения, в которых нет событий, но есть впечатления.

– С вами сидел Синявский. А каков в основном был контингент ваших лагерей?

– Уголовники – только случайные. Проигрался в карты, пишет листовку «Коммунистов вешать», судят по нашей статье и кидают в наш лагерь. А так – это были политические лагеря. Бендеровцы, «зеленые» из Прибалтики, бериевские генералы и пострадавшие «за веру» из Истинно Православной Церкви, те, кто не признавал власти... У такого верующего кончался пятнадцатилетний срок, он добирался до ближайшей церкви, выходил на амвон и говорил: «Вы служите антихристу!» – его тут же хватили и снова сажали. Представляете, какая воля, какая кремнеподобность души!

– По стопам Аввакума...

– Да, безусловно, это люди аввакумовского склада.

– Вас арестовали за участие в создании организации, стремившейся свергнуть совет-

скую власть. Думаете, что-то могло выгореть?

– Кроме смерти – ничего не светило.

– Собирались выступить?

– Мы были готовы. Никаких дат не назначали. Задача была дорасти до определенного количества и упредить развал, когда власть начнет выдыхаться. В нашей программе было записано: «Социализм не может не либерализоваться, а значит, не может не разлагаться». Этот эксперимент позволяли поддерживать исключительно репрессии.

– А выход где?

– Если б я знал выход, то сидел в Думе. Когда меня освободили, я был, что называется, в конъюнктуре. Все редакции запрашивали мои произведения, ко мне приходили, просили: «Давайте баллотироваться!» Но я уже знал, что началась смута. И что делать в этой смуте – неизвестно. Зачем глотку драть и зад отсбивать, когда нет у меня рецепта? Я просто не политик. Политику на ум приходит идея, и он в нее верит, не допуская сомнений. Я другой психологический тип, если мне приходит идея, я начинаю ее мучительно анализировать, и это, скорее, литературное сознание. Например, кого-то политически не принимаешь, но если о нем напишешь роман, этот человек оказывается не таким уж плохим. Потому что при внима-

тельном взгляде в каждом найдешь что-то доброе.

В смуте я места себе не видел. Мне чудовищно повезло, что Крупин пригласил меня в журнал. Я два года болтался. Вышел, были деньги, накопилось тысяч пятьдесят марок, создал премию Шукшина и истратил. Пошел на спектакль, понравилось, и весь театр – в ресторан! Или приехал в иркутскую писательскую организацию, земляки. Конечно, угощать... Довольно быстро деньги кончились. Я занялся частным извозом. И будучи редактором журнала, еще четыре года возил людей на машине.

– Ваш личный взгляд на литературу совпадает с редакционной политикой «Москвы»?

– Я традиционалист. Вырос на классической русской литературе, классической музыке и живописи. Как не могу я слушать всякую попсу, точно так же не могу читать и соответствующую литературу, посещать соответствующие выставки.

И наш журнал традиционалистский. Поддерживает ту литературу, в которой русского языка достаточно для того, чтобы выразить всю глубину человеческих ощущений, не обращаясь, положим, ни к мату, ни к пошлости. Не все есть предмет литературы. После сытного обеда мы иногда ходим в весьма узкое помещение. Человек, ко-

торому взбрело в голову описывать дальнейший процесс, – либо с определенным состоянием психики, либо ищет дешевого спроса и денег. Когда совершается излом эпохи, кому-то надо стоять на страже абсолютно достоверной ценности. Таковой является классическая русская словесность Толстого, Достоевского, Тургенева, Бунина... Если бы на этом пути нам не встречались счастливые находки, не попадались действительные таланты, может быть, все было бы безуспешно. Однако прекрасных авторов немало.

А журналу по-прежнему приходится туго. Мы не связаны ни с какими партиями или административными органами, нам никто не дает денег, в течение двенадцати лет существуем сами по себе. Цена этой независимости – маленькие зарплаты, жалкие, постыдные гонорары. Но зато независимость.

– Кого посоветуете почитать?

– Повторю, есть немало замечательных авторов. По итогам Форума молодых литераторов в Липках мы опубликовали десятки имен. В Литинституте девushка семнадцати лет пишет вступительную работу, этюд. Я был рецензентом и удивился! Семнадцать лет. Язык Шмелева и личное своеобразие. Откуда такое?

**Беседовал
Сергей Шаргунов**